

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ

Л.А. БЕЛЯЕВА

Постановка проблемы, или Зачем нужно изучать социальное пространство

Двадцать лет общественных перемен изменили общество: сложилась новая социальная стратификация, возникли альянсы власти с олигархическими слоями, были отстранены от этих альянсов интеллектуалы, усиливается бюрократизация системы управления, расцветает мздоимство. В стране формируется средний класс, не слишком желающий оставаться в стране, стабилизировалась масса плохо адаптированных слоев с низкой и средней квалификацией, находятся на грани выживания пенсионеры, в обществе растет бытовая агрессия, нарушились функции семьи и системы образования в социализации молодежи. Наконец, сложился целый спектр конфликтующих между собой стилей жизни, какие в советские годы даже трудно было себе представить. И все это произошло в относительно короткий период времени, вызвав в обществе довольно стойкое напряжение, которое иногда выливается в протесты разного рода, но чаще копится, загоняется вовнутрь, создавая неуверенность в стабильности повседневной жизни и ощущение постоянных угроз. Как можно исследовать такое состояние общества? Здесь могут использоваться отдельные теории, но они не позволяют дать комплексный взгляд на эти проблемы, и, как следствие, увидеть объективные причины, приведшие к такому положению. Методологически и методически решить эту проблему, на мой взгляд, можно, обратившись к сложившимся в современном гуманитарном знании теориям социального пространства.

В последние годы внимание к проблематике социального пространства возросло во многих общественных науках. Произошел своего рода «пространственный поворот» в социальных дисциплинах. С одной стороны, это связано с усилением внимания к пространственному фактору в культурных, экономических, политических, правовых, антропологических процессах. А с другой, возникли специальные предметные поля пространства, отличные от географического пространства как формы «существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки»¹. Так, был осуществлен и обоснован анализ разных подходов к определению исторического пространства И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым. Исследователи отмечают, что историческое пространство является социально конструируемым понятием. Его границы могут определяться самим историком, в то же время историк может создавать такое пространство, которое было актуальным для участников взаимо-

действия. В последнем случае речь можно вести как о пространстве, присутствовавшем в качестве очевидного для исторических акторов, так и о пространстве, которое обсуждалось и рефлексировалось ими. Географическое пространство в историческом исследовании задает рамку предмету истории, очерчивает пространство социальных взаимодействий и тем самым трансформируется в пространство историческое².

Проблемное поле социального пространства формируется и в социологии. Наиболее близко к социологии в определении социального пространства подошла социальная география, как она понимается Б. Верленом. «Пространство, — пишет он, — это система координат для материальных аспектов социальных действий в формально-классификаторском смысле... *“Пространство” не эмпирическое, но формальное и классификаторское понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире...*»³. В большинстве российских исследований социальная география претендует только на то, чтобы изучать пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, отдыха, воспроизводства жизни человека, закономерностей и факторов возникновения территориальных различий в социальных структурах (классовых, промышленных, национальных, половозрастных и т. д.) во взаимосвязи с производством и природой. В соответствии с такой трактовкой близкая к социологии ветвь социальной географии разрабатывает проблемы пространственных структур общества, пространственное выражение социальных процессов, пространственное распределение социальных неравенств⁴.

В социологии предмет исследования, названный социальным пространством, формировался постепенно. Сегодня социальное пространство не сводится к месту, где происходят описываемые события, явления и процессы, как не сводится оно и к пространству геометрическому⁵. Предельно четко различия этих предметов сформулировал П. Сорокин. «Социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию, или же два генерала одного звания и из одной армии, один из которых в Америке, а другой — в Китае), могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометри-

ческом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение»⁶.

В результате исследований сложились теоретические концепции, дающие неоспоримое преимущество (но и трудности нахождения своего видения проблемы) исследователю, разрабатывающему проблему социального пространства. Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Ф. Знанецкий, П. Сорокин, Т. Парсонс, А. Лефевр, Р. Парк, Э. Берджесс, Э. Гидденс, П. Бурдьё и другие исследователи внесли свою лепту в проблематику социального пространства.

Опираясь на эти исследования, можно составить современное представление о социальном пространстве, чтобы определить систему понятий, которые могут его описать, а в дальнейшем разработать показатели и индикаторы, которые репрезентируют это пространство в эмпирических реалиях. Целостное представление об обществе можно получить, только исследуя структуру и объективные связи субъектов, составляющих общество. Концепт социального пространства позволяет это сделать и создать многомерную картину социального устройства общества, и выявить болевые точки и риски общественного развития. Он может быть использован и по отношению к отдельным регионам, территориям, городам, сельским поселениям, и другим «местам». Использование конструкта «социальное пространство» требует определить те реальности, которые его наполняют, выявить их топологию, которая, по мнению П. Бурдьё, представляет собой «социологию в объективистском аспекте».

Идеи социального пространства в их становлении и развитии

Прежде чем обратиться к идеям классиков о социальном пространстве, замечу, что сам термин «пространство» не так очевиден, как это представляется на первый взгляд. В качестве примера можно привести рассуждение о пространстве М. Хайдеггера: «Но как мы сумеем отыскать собственное существо пространства? На случай крайней нужды есть спасательный мостик, правда ветхий и шаткий. Попробуем прислушаться к языку. О чем он говорит в слове “пространство”? В этом слове говорит простираение. Оно значит: нечто просторное, свободное от преград. Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания»⁷. Насколько эти наблюдения применимы к социальному пространству, где лежит предел свободы в социальном пространстве, чем она ограничена — системой институтов общества, сословными перегородками, способностями индивида или чем-то другим? Эти вопросы принадлежат и философии, и социологии.

Одним из первых обществоведов, обратившихся к пространственным аспектам состояния и функционирования общества как единой системы был Э. Дюркгейм. Говоря о возможностях изучения обще-

ства, он прибегал к такому понятию как «социальная морфология», которая изучает субстрат общества, формы коллективного бытия, «социальные факты анатомического или морфологического порядка». «Социальные факты» — центральные понятия в теории Дюркгейма. Они рассматриваются им как правила поведения, способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Фактам социальной морфологии принадлежит господствующая роль в коллективной жизни, а вследствие этого и в социологической науке⁸. В социальной морфологии общество выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определенным образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т. д. Социальные факты в понимании Дюркгейма воздействуют на формирование социальных форм взаимодействия: доиндустриальное, или простое, общество держится механической солидарностью, в индустриальном, или сложном, обществе действует органическая солидарность, основанная на разделении труда. Солидарность — главная сила, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое⁹.

В начале XX в. Георг Зиммель также обратился к проблеме социального пространства. В своей шестой лекции о Канте он писал: «Кант установил следующее: пространство обладает всей реальностью, о которой в нашем познании вообще может идти речь, именно потому, что оно — форма и условие наших эмпирических представлений. Пространственные вещи реальны, потому что они составляют наш опыт и поскольку они его составляют. Тот простой факт, что мы представляем себе пространство так, как это происходит: сплошным, в соответствии с твердыми правилами и с эмпирически достойным доверия различием между обманом чувств и подлинным опытом, не доказывает его реальность — это было бы заблуждением, — а есть эта реальность»¹⁰. Это общефилософское представление о пространстве детализируется Зиммелем, когда он обращается к социальному пространству. Здесь он на рубеже XIX и XX вв. выдвигает такие идеи, которые были по достоинству оценены позже и развиты социологами в XX в. Для Зиммеля социальное пространство — это освоенное человеком пространство, имеющее свои границы, разделенное на зоны действия и взаимодействия индивидов. Зиммелю принадлежат идеи о социальных дистанциях, о городской пространственной среде, о влиянии больших городов на степень индивидуальной свободы и развитие особого рода духовности. Для современного социального знания, изучающего жизненный мир индивида и его самоидентификацию, важна идея Зиммеля о социальных кругах, в которые включен индивид. «Число различных кругов, к которым принадлежит отдельный человек, — писал Зиммель, — является, таким об-

разом, одним из показателей высоты культуры. Если современный человек принадлежит прежде всего к семейству своих родителей, потом к семье, основанной им самим, а вместе с тем и к семье своей жены; если, далее, он принадлежит своему профессиональному кругу, что уже само по себе часто включает его в несколько кругов с различными интересами (так, например, во всякой профессии, где есть начальники и подчиненные, каждый находится в кругу своего особого вида деятельности, должности, бюро и т.д. в рамках этой профессии, которая всегда охватывает высших и низших; далее, он является членом того круга, который образуется всеми, кто равен ему по положению, но чей вид деятельности и т.д. — иной); если он осознает себя гражданином своего государства, сознает свою принадлежность к определенному социальному сословию, если он, кроме того, — офицер запаса, состоит членом нескольких союзов и общается с людьми самых различных кругов, — то это является уже очень большим разнообразием групп»¹¹. Г. Зиммель — признанный исследователь индивидуального, и его идеи сегодня вновь востребованы при анализе процессов модернизационного развития с индивидуализацией и отчуждением индивидов, с возрастанием социальной дистанции при сокращении дистанции физической, особенно в больших городах с их скученностью на относительно малом физическом пространстве. В текстах Зиммеля содержится много наблюдений о городских пространствах, об их влиянии на человека, его культуру и стиль жизни. В работе «Большие города и духовная жизнь» он показал, с одной стороны, увеличение социальной дистанции и отчуждения жителей большого города, а с другой, «интенсификацию нервных импульсов», рождаемых ускоряющимся темпом жизни, многообразными контактами жителей между собой, во многом обезличенными. Большой город «доставляет индивиду такую личную свободу и в таких больших размерах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области. Это может быть вообще сведено к одной из весьма типичных тенденций развития общественной жизни»¹². Когда теперь мы наблюдаем и изучаем жизнь таких городов-мегаполисов, как Москва, нельзя не удивляться прозорливости этого ученого, написавшего об этой проблеме в Берлине, численность населения которого во времена Зиммеля была совершенно несопоставима с современными мегаполисами.

Многие идеи Зиммеля были оценены позже и востребованы наукой в XX в. Современный французский психолог Серж Московичи в своей книге «Машина, творящая богов», развивая идеи Зиммеля о социальных кругах, подчеркивает, что разнообразие и множественность социальных кругов, образуются сетями взаимодействия. Посредством этих сетей индивиды вступают между собой в контакты, общаются и организуются. Эти сети облегчают формирование объединений,

добровольных и недобровольных движений, течений в общественном мнении и интересов вокруг общего ядра¹³. Существуют тяжелые и плотные сети, с которыми более тесно связывается жизнь индивида — сети промышленности, церкви или партии. Другие сети — легкие, иногда тонкие как паутина, возникают в среде потребителей рынка, посетителей музеев и т.д. Для характеристики социальных кругов и сетей важны плотность и стабильность взаимодействий. Но эти характеристики обладают относительностью и изменчивостью, как, например, социальные сети Интернета, которые можно отнести к легким сетям, если только эти сети не захватывают индивида целиком, делая его рабом виртуального общения, — тогда они превращаются в тяжелые, вязкие сети.

С. Московичи подчеркивает, что взаимодействия, из которых рождаются сети носят ментальный характер, они рождаются из социальных представлений, фильтрующих мотивы, желания, предпочтения, оставляя в силе только те, которыми можно обмениваться и которые можно разделять. Если вы хотите успешно общаться с кем-то, как пишет Московичи, вам нужно выбрать определенные жесты и придать смысл интересам, которые могут быть представлены в контексте, доступном вам обоим. Для С. Московичи образ общества существует в двух ипостасях — первая ипостась представлена сетями, которые, соединяя индивидов, постоянно создаются и разрушаются ими; вторая принадлежит представлениям, которые индивиды разделяют, формируя тем самым свою общую реальность. По его мнению, этих понятий достаточно, чтобы описать в общем виде большую часть взаимодействий, особенно тех, которые осуществляются в повседневной жизни¹⁴.

Идеи Зиммеля о социальных кругах в первой трети XX в. развивались в Чикагской школе социологии и широко используются в современных исследованиях. Вместе с тем интересен и такой аспект в исследовании городского пространства Зиммелем, как отмеченное им влияние архитектуры, особой культуры городов на их жителей, на тех, кто живет в этом культурном пространстве¹⁵. Два эссе Зиммеля «Венеция» и «Флоренция» создают образы художественного пространства этих городов через личное восприятие автора. В них убедительно показано воздействие культурной среды на духовный мир индивида. «Искусство совершенно и стоит по ту сторону всякой искусственности лишь тогда, когда оно есть нечто большее, чем искусство. Такова Флоренция, дарующая душе прекрасную в своей суверенной однозначности надежность родины. Венеция же обладает двусмысленной красотой авантюры, лишенного корней плавание по жизни подобно оторвавшемуся цветку, увлекаемому морскими волнами, и то, что она как была, так и осталась классическим городом авантюрного жанра, есть лишь наглядное воплощение последней судьбы ее общего облика: быть для нашей души не родиной, а всего лишь приключением»¹⁶.

Вообще город как общность и сосредоточение разного рода социальных отношений стал примером того, как понимать пространство, не просто как физическое, или географическое, а как социальное пространство. При изучении города были поставлены многие теоретические вопросы, связанные с определением структуры городских взаимодействий, с социальной дистанцией, маргинальностью и т. д.

Одно из первых исследований городского пространства как арены взаимодействия жителей города провел польско-американский исследователь Флориан Знанецкий. Ставший после эмиграции в США видным представителем Чикагской социологической школы, благодаря пятитомному труду «Польский крестьянин в Европе и Америке», подготовленному совместно с Уильямом Томасом, в 1928 г. Знанецкий осуществил социологическое исследование городской «гмины» — социального устройства городского сообщества г. Познани¹⁷. Проведя анализ высказываний жителей города по заданному исследователем вопроснику, он проанализировал сословно-классовый характер городского сообщества, показал его сложную и высокорационализированную структуру, включающую в себя большинство жителей города. Было выявлено, что внутренняя жизнь сословий регулируется на основе принципов внутренней солидарности, но при этом отсутствует взаимная солидарность всех жителей города, отношения между сословиями не гармонизированы. Выход за рамки своего слоя происходит только в экономических отношениях (материальные услуги взамен на обязательные налоги), другие же типы отношений распространены только внутри слоя или на межиндивидуальном уровне. Знанецкий настаивал на том, что неотъемлемой частью социальных изменений является расширение связей и контактов между определенной общностью и внешним миром.

В первой трети XX в. в рамках пространственно ориентированного подхода сформировалась такая дисциплина как социология города. Она стала одной из центральных тем Чикагской школы социологии. Видный представитель этой школы Р. Парк подчеркивал «естественность» (объективность, эволюционность) происхождения и развития городского сообщества, определяя «город как социальный организм». Он сформулировал основную проблему этого направления — существует ли, помимо социальной организации, система жизненных функциональных связей между людьми, которая может быть описана как экологическая, но не в биологическом, а в социальном значении, имеющем, впрочем, и биологические характеристики. Основными элементами созданной в Чикагской школе социально-экологической теории были социальный контроль как способ обеспечения определенной степени солидарности в обществе, социальная дистанция как показатель степени близости или отчужденности индивидов или социальных групп, социальная мобильность и миграция как

коллективное поведение индивидов, маргинальность как характеристика индивида, находящегося на стыке социальных групп или на их периферии. Соратником Р. Парка Э. Берджессом была разработана методика «концентрических зон», с помощью которой была выявлена социальная неоднородность пространства большого города и описаны четыре концентрические зоны, которые давали представление о социальном пространстве города и его социальной структуре¹⁸.

Свой вклад в изучение социального пространства внес Питирим Сорокин, который показывал многомерность положения человека в социальном пространстве. В 1927 г. в своем труде «Социальная и культурная мобильность» он поставил вопрос о социальном пространстве в плоскости его разделения на иерархически расположенные слои. Сорокин писал: «...социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Он может находиться только в геометрическом, но не социальном пространстве. Соответственно, *определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета”*. Сам же выбор “точек отсчета” зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп»¹⁹. Сорокин поставил проблему дистанции в социальном пространстве: «Чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. Наоборот, чем значительнее и существеннее различия, тем больше социальная дистанция между ними». Для определения положения в социальном пространстве каждой «точки отсчета» Сорокин предлагал использовать множество признаков, подчеркивая тем самым объемный характер этого пространства в отличие от трехмерного евклидова геометрического пространства. Он настаивал на том, что «социальное... пространство — многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *sui generis*²⁰ и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры»²¹.

Надо признать «статичность» представлений Сорокина о пространстве, изменения в котором рассматривалось им преимущественно как

мобильность социальных слоев (горизонтальная и вертикальная), а само социальное пространство виделось им преимущественно в вертикальном измерении. Но ценность его построений, тем не менее, нельзя преуменьшить, поскольку важно иметь определенные критерии для анализа реальности, а эти критерии были разработаны Сорокиным и предложены для классификации типов стратификации общества. «Конкретные ипостаси социальной стратификации — писал Сорокин, многочисленны. Однако все их многообразие может быть сведено к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификации. Как правило, все они тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам; и наоборот»²². Основа и сущность стратификации — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии и отсутствии власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Несмотря на статичность картины, которой соответствует стратификация по Сорокину, он разработал также важный аспект динамики социального пространства и связал его с социальной мобильностью — любым переходом индивида или социального объекта из одной социальной позиции в другую. В соответствии с его пониманием природы стратификации существуют нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности.

Идея социального пространства присутствует и в теории структуризации Энтони Гидденса. Она получила свое развитие в признании дуализма — взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик. По его мнению, общество нельзя рассматривать только как результат деятельности или порождение индивидуальных субъектов. «Структуральные свойства социальной системы существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве»²³. Гидденс обращается к понятиям мест, локальностей, действия и социальных практик. При этом диапазон мест, локальностей колеблется у Гидденса от комнаты в доме, уличного перекрестка, фабричного цеха, небольших городов и крупных мегаполисов до государств, имеющих четко определенные территориальные границы. Социальная география, развиваемая на Западе, содержит, по мнению Э. Гидденса, множество тех же понятий и вовлечена в те же методологические споры, что и социология.

Гидденс анализирует концепцию «временной географии» шведского ученого Торстена Хагерстранда в книге «Устроение общества». Отправным пунктом этой концепции является феномен рутинного характера повседневной жизни, сопровождающейся регионализацией, т.е. нахождением акторов в определенных зонах взаимодей-

ствия, в соответствии с различными формами пространственного разграничения. Рутинный характер повседневной жизни объясняется Хагерстрандом траекторией движения человеческого существа в рамках жизненного цикла, а следовательно рассматривается как своеобразный «биографический проект». Интерес Хагерстранда к повседневным социальным практикам связан со стремлением использовать временную географию для осмысления влияния обычного дня обыкновенного человека на общую организацию социальных систем. При этом Хагерстанд различает такие понятия, как обособленность, раскрытие, передние и задние планы соприсутствия. Эти понятия применимы не только для индивидов, но и для зонирования городов, жилищ, различения центров и периферии.

Гидденс соглашается с социальным географом Хагерстрандом, когда он подчеркивает определенное зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени, выявляет у них существование «переднего» и «заднего» планов. При этом задние планы обеспечивают дистанцию между собственными взглядами на социальные процессы и теми трактовками, которые представлены в официальных нормах. Эти положения действительны по отношению не только к индивидуальным практикам, но и к деятельности социальных институтов, поскольку они функционируют благодаря людям, имеющим передний и задний планы поведенческих практик.

Практическое значение для анализа социального пространства имеет развитая Гидденсом идея Парка и других представителей Чикагской школы о регионализации социального пространства, в самом общем виде утверждающая неравномерность развития разных локальностей, различия между центром и периферией. Гидденс пишет: «Те, кто занимает центральные зоны, “устанавливают” контроль за ресурсами, позволяющими сохранять дистанцию между ними и людьми с “периферии”. Признанные “авторитеты” используют множество способов социального “огораживания”... позволяющих им обособиться от тех, кого они считают “младшими по чину” или аутсайдерами»²⁴.

Свой вклад в освоение проблематики социального пространства внес французский исследователь Анри Лефевр. Он поставил вопрос о том, *как* возникает социальное пространство. По мнению Лефевра социальное пространство создается в процессе экономического развития, в нем задействованы не только участники производственного процесса, но и творцы (художники, архитекторы, как, например, в Венеции), и их произведения также служат целям формирования пространства. «Оно — результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Однако в нем нет ничего от фикции, ирреальности или “идеальности”, сравнимых с теми, что присущи знаку, репрезентации, идее или сновидению. Являясь

результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждая их или запрещая. Среди этих действий одни связаны с производством, другие — с потреблением, то есть с использованием результатов производства... Ни природа — климат и географическое положение, — ни предшествующая история не могут полностью объяснить социального пространства... Вмешиваются посредники: действия социальных групп, факторы знания, идеологии, репрезентации. В таком пространстве содержатся весьма разнообразные объекты, природные и социальные, сети и пути, которые облегчают передачу материальных вещей и информации. Оно не сводится ни к объектам, которые его составляют, ни к их сумме. Эти «объекты» — не только вещи, но и отношения»²⁵. Таким образом, Лефевр рассматривает пространство как результат общественного производства, как продукт социальный.

Фундаментальностью отличается концепция социального пространства, созданная Пьером Бурдьё. В его интерпретации социальное пространство представляет собой взаимосвязь позиций индивидов во множестве измерений. По определению П. Бурдьё, социальное пространство — это пространство отношений, «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посредине»²⁶. Пространство отношений столь же реально, как географическое пространство, однако физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, как структура рядоположенности социальных позиций. Позиции агентов в социальном пространстве, по Бурдьё, определяются социальными практиками — наблюдаемыми способами действий индивидов и социальных групп. Действуют агенты в границах институциональных полей с использованием разного рода капиталов: экономического — деньги, богатство, собственность; культурного — знания, престиж, профессия, ценности; социального — происхождение, родственные, земляческие и приятельские связи, знакомства. Все три разновидности капиталов находят свое конечное воплощение в символическом капитале, одно из определений которого П. Бурдьё выразил очень лаконично: это «капитал чести и престижа». «Демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно, повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу»²⁷. То, что символический капитал действительно является капиталом, доказывается его возможностями конвертироваться в

экономический, культурный, социальный капиталы и приносить выгоду своему обладателю.

Таким образом, социальное пространство по Бурдьё можно описать как совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом. Именно распределение различных видов капитала (экономического, культурного, социального, символического) в социальном пространстве и структурирует его, делая социальное пространство многомерным. Социальное пространство динамично, оно постоянно меняется вследствие непрерывности социальных практик агентов и их взаимодействий. «В реальности, — пишет Бурдьё, — социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, чье функционирование и изменение подчинено в большей или меньшей степени устойчиво и непосредственно полю экономического производства. Внутри каждого поля те, кто занимает господствующую позицию, и те, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу»²⁸.

Выводы

Рассмотренные точки зрения позволяют дать следующее определение социальному пространству с учетом тех задач исследования этого феномена, которые были сформулированы в начале статьи. *Социальное пространство, в отличие от физического и географического, представляет собой метафорическое пространство, в котором представлены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные социальные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей, моральных установлений. Социальное пространство — это динамическое состояние общества, характеризующееся, с одной стороны, автономностью акторов, а с другой стороны, их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия и солидарности вплоть до ощущения онтологической опасности.* Теоретический конструкт социального пространства позволяет исследовать живую ткань общества в его многообразии, привлекая разные эмпирические возможности, которые характеризуют как самих субъектов, так и возникающие между ними социальные взаимодействия. Как определенно высказался Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций своего участия в становлении систем взаимодействия»²⁹. Выбор системы эмпирических показателей, которые репрезентируют социальное пространство, зависит от предпочтений исследователя и ставящихся им задач. Центральной, на мой взгляд, является задача измерения напряженности социального пространства. Эта напряженность не сводится к политической напряженности (последняя как раз отражает степень социального напряжения в обществе, питается этим напряжением), а существует и

постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных акторов, обладающих разными объемами капиталов. Как представляется, достижение комплексной цели – создание целостного представления о существующих в обществе иерархиях социальных позиций и взаимодействиях вызывает необходимость построения целой системы эмпирических показателей, которые репрезентировали бы основные поля: экономическое, социальное, культурное, символическое, и давали бы возможность получить более полное представление о социальном пространстве современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Географический энциклопедический словарь. – М., 1988. – С. 5.

² См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. Ч. III. Пространство и время истории. – СПб.: Наука, 2003. – С. 439, 443.

³ *Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. № 2. Т. 1. – С. 33–34.

⁴ Типичный образец такого рода исследования – большой проект «Социальный атлас российских регионов» Независимого института социальной политики (см. электронную публикацию «Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?» – URL: www.socpol.ru).

⁵ Некоторые социологи следуют этой традиции. См., например: *Кравченко А.И.* Социология. Общий курс: учеб. пособие для вузов. – М.: Логос, 2002.

⁶ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297.

⁷ *Хайдеггер М.* Искусство и пространство // *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М., 1993. – С. 313.

⁸ См.: *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1996. – С. 256 – 309.

⁹ См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. и прим. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996.

¹⁰ *Зиммель Г.* Кант. 16 лекций, прочитанных в Берлинском университете / пер. М.И. Левиной // *Зиммель Г.* Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М., 1996. – С. 54.

¹¹ *Зиммель Г.* О скрещении социальных кругов // *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2. – М., 1996. – С. 412 – 413.

¹² *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. – С. 7.

¹³ См.: *Московичи С.* Машина, творящая богов. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С. 357.

¹⁴ См. там же. – С. 361.

¹⁵ См.: *Зиммель Г.* Венеция, Флоренция // Логос. 2002. № 3.

¹⁶ Там же. – С. 10.

¹⁷ См.: *Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 172 – 173.

¹⁸ См.: *Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D.* The City. – Chicago. 1925.

¹⁹ Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человечество. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 298.

²⁰ особого рода (*лат.*).

²¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность. – С. 300.

²² Там же. – С. 303.

²³ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 15.

²⁴ Там же. – С. 201.

²⁵ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. №2 (70).

²⁶ Бурдьё П. Начала / пер. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 185.

²⁷ Бурдьё П. Практический смысл. – СПб., 2001. – С. 230 – 234.

²⁸ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология социального пространства. – СПб., 2007. – С. 36.

²⁹ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. – С. 491.

Аннотация

В статье обосновывается правомерность использования понятия «социальное пространство» для анализа современного российского общества. Рассматривается генезис конструкта «социальное пространство» в социальном знании, его отличие от «физического пространства». Поставлена проблема эмпирической презентации «социального пространства» через основные виды капиталов – экономический, культурный, социальный, символический.

Ключевые слова: социальное пространство, дистанция, социальные круги, сети взаимодействия, производство пространства, поля, капиталы: экономический, культурный, социальный, символический.

Summary

The article substantiates the validity of using the concept of «social space» for the analysis of the contemporary Russian society. The genesis of the «social space» construct in sociology and the difference between it and «the physical space» are considered. The problem of empirical presentation of the social space through the main types of capital such as economic, cultural, social, and symbolic capitals is addressed.

Keywords: social space, distance, social circles, interaction networks, genesis of space, fields, economic, cultural, social, and symbolic capitals.